

КОГНИТИВНЫЙ СТИЛЬ И ДЕПРЕССИЯ¹

ПАДУН М. А., Учреждение Российской академии наук Институт психологии РАН, Москва

Настоящая статья представляет собой обобщение части результатов комплексного исследования когнитивного стиля у пациентов с реактивной депрессией. Показано, что для когнитивно-стилевой организации индивидов, у которых вследствие переживания стрессовой ситуации развились аффективные нарушения, характерны следующие особенности: большая опора на внешний контекст, чем на внутренние референты при взаимодействии с ситуацией; ошибки в принятии решений при затрачивании значительного времени на обдумывание; склонность к избыточному дроблению и категоризации данных; снижение способности к переключению с одних способов переработки информации на другие (гибкость–ригидность).

Ключевые слова: когнитивные стили, реактивная депрессия, стресс, психологическая дифференциация.

Актуальность психологических исследований депрессии вообще и одного из ее видов – реактивной депрессии – в частности продиктована интенсивным ростом состояний тревожно-депрессивного спектра в последние десятилетия. Депрессию сегодня называют эпидемией, и ВОЗ прогнозирует, что к 2020 году этот диагноз выйдет на первое место по распространенности, обогнав лидирующие на сегодняшний день сердечно-сосудистые заболевания.

В данной работе рассматривается депрессия, условно называемая реактивной или психогенной. Однако вопрос традиционного деления расстройств на эндогенные и экзогенные дискутируется современными психиатрами: так, А. Б. Смулевич (2007) указывает на то, что эндогенные депрессии нередко провоцируются экзогенными факторами, в то время как внешние факторы оказывают патопластическое (вторичное) воздействие на определенных стадиях развития эндогенных депрессий. Таким образом, невозможно однозначно определить вклад эндогенных и экзогенных факторов в развитие депрессии: наиболее ярко это умозаключение иллюстрируется тем фактом, что реактивная депрессия, как и посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), развивается после переживания стресса или травмы далеко не у всех людей. Наша задача в данном исследовании как раз и состояла в определении специфики когнитивной сферы у тех индивидов, которые в ответ на воздействие стресса обнаруживают выраженные на клиническом уровне депрессивные симптомы.

Депрессии посвящено огромное количество психологических концепций и исследований. Широко известны психоаналитические представления о роли детских утрат в генезе депрессии (Фрейд, 1984), бихевиоральные концепции, акцентирующие внимание на способах решения проблем в кризисных ситуациях (Lewinsohn et al., 1979), экзистенциально-гуманистические воззрения на депрессию как на следствие утраты смысла, ценности жизни и «забвения» собственных желаний и потребностей (Франкл, 1990). Подчеркивается также роль культурных факторов в генезе депрессии, связанных прежде всего с запретом на переживание эмоций и их выражение (Хорни, 1993; Холмогорова, Гаранян, 1999).

¹Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 07-06-00431а).

Акцент на дисфункциях мышления как главной психологической причине депрессии был впервые сделан в работах Аарона Бека (Бек и др., 2003), который полагал, что в основе депрессии лежит когнитивная триада: негативные базисные убеждения относительно собственного «Я», окружающего мира и негативный взгляд на будущее. Негативные базисные убеждения, согласно концепции Бека, формируются вследствие искажений мышления и проявляются в когнитивных ошибках: в произвольности умозаключений, сверхобобщении, поляризованном («черно-белом») мышлении, персонализации и др., когнитивная психотерапия депрессии направлена на выявление ошибок мышления и коррекцию базисных убеждений.

Наиболее популярна на сегодняшний день биопсихосоциальная модель депрессии, отражающая мультикаузальный характер этого расстройства (Перре, Бауманн, 2007). Данная модель акцентирует внимание на взаимосвязи биологических, психологических и средовых факторов в развитии депрессивных расстройств.

Как в отечественной, так и в зарубежной психологии постулируется тесная взаимосвязь когнитивной и аффективной сфер личности (Зейгарник, 1986; Выготский, 1983). В настоящей работе изучаются когнитивные стили у пациентов с реактивной депрессией с целью определения их роли в переработке эмоциогенной информации.

В зависимости от теоретического подхода и задач исследования в самом понятии когнитивного стиля выделяются различные принципиальные аспекты: 1) индивидуальные различия в интеллектуальной деятельности; 2) особенности личностной организации в целом, детерминированные индивидуальной спецификой переработки информации; 3) специфика управления когнитивными функциями; 4) функция посредничества между индивидом и окружающим миром, отражающая специфику адаптации (Холодная, 2002).

Мы рассматриваем когнитивные стили в последнем из описанных выше значений, т. е. как механизмы взаимодействия индивида с внешней и внутренней реальностью, выражающиеся в особенностях регуляции эмоций, возникающих в результате этого взаимодействия. Данная трактовка когнитивных стилей впервые сформулирована в рамках психоаналитической теории когнитивных контролей (Gardner, 1959).

В настоящем исследовании изучались четыре когнитивных стиля (Холодная, 2002):

1. «Полезависимость–полenezависимость» – способность преодолевать сложноорганизованный контекст.

2. «Импульсивность–рефлексивность» – индивидуальные различия в скорости и качестве принимаемых решений в ситуациях неопределенности.

3. «Узость–широта диапазона эквивалентности» – различия в особенностях ориентации на черты сходства или черты различия объектов.

4. «Ригидный – гибкий познавательный контроль» – степень субъективной трудности при смене способов переработки информации в ситуации когнитивного конфликта.

В современной когнитивной психологии и психотерапии понятие когнитивного стиля значительно расширилось и на настоящем этапе включает в себя различные категории: например, наряду с традиционным пониманием в научный обиход вошло понятие «негативного когнитивного стиля» при депрессиях, обозначающее оценку негативных жизненных событий в терминах стабильности (постоянство во времени), глобальности (широта охвата различных сфер жизни), интернальности (склонность приписывать себе ответственность за то, что «плохое» событие произошло).

Однако отметим, что в целом объем клинических исследований когнитивных стилей весьма невелик.

Среди них представляется интересным, например, обзор Корчина (Korchin, 1986), акцентирующий внимание на том, что пациенты, страдающие депрессией и различными видами зависимостей, являются более полнезависимыми, тогда как пациенты с параноидной и обсессивно-компульсивной симптоматикой – более полнезависимыми.

Далее, в работе Кингсланда и Грина (Kingsland, Greene, 1984) подтверждена гипотеза о том, что пациенты, страдающие депрессией, имеют большую полнезависимость и, следовательно, более низкую психологическую дифференциацию, чем здоровые испытуемые. Авторы интерпретируют результаты в поддержку концепций Бека и Селигмана о глобальном характере реагирования депрессивных пациентов на внешние воздействия, а также о чрезвычайной опоре на референты, идущие от внешнего контекста.

В исследовании МакГилливрей и Барона (MacGillivray, Baron, 1994), проведенном в рамках теории депрессии А. Бека, было показано, что среди депрессивных пациенток большее количество когнитивных ошибок совершается полнезависимыми, чем полнезависимыми испытуемыми. В работе Каламари и др. (Calamari et al., 2000) также выявлена положительная корреляция полнезависимости (по результатам выполнения теста «Стержень-рамка») со шкалой депрессии ММРІ.

Результаты исследования способности к дифференциации эмоциональных состояний в зависимости от когнитивного стиля Паркса (Parkes, 1981) продемонстрировали, что корреляции между показателями оценки переживаемых эмоций у полнезависимых испытуемых низкие, в то время как у полнезависимых – высокие, что говорит в последнем случае о слабой дифференциации эмоциональных состояний.

Известно, что когнитивно-стилевые особенности оказывают влияние на процессы совладания с трудными жизненными обстоятельствами. В психотравмирующих ситуациях полнезависимые лица используют защиты, предполагающие активную переработку познавательного опыта (изоляция, интеллектуализацию, проекцию), тогда как для полнезависимых лиц характерно использование защит, связанных с отвержением негативного опыта (вытеснение, отрицание) (Холодная, 2002).

В настоящем исследовании проверялось предположение о том, что для лиц, у которых вследствие влияния негативных жизненных событий развилась реактивная депрессия, характерны более выраженные полнезависимость, импульсивность, ригидность познавательного контроля и узкий диапазон эквивалентности по сравнению с контрольной группой.

Группу «депрессия» составили пациенты Клиники неврозов им. Соловьева (Москва) и Областной психиатрической больницы Архангельска с диагнозом «депрессивный эпизод средней степени тяжести» ($N=90$) в возрасте от 18 до 53 лет ($M=34,2$; $SD=9,6$): 27 мужчин и 63 женщины. Критерием включения в выборку являлось наличие в анамнезе психогенного фактора, субъективно переживаемого пациентами как причина депрессии. Стрессовые события распределились по выборке следующим образом(%):

- конфликты в отношениях с близкими людьми – 31;
- разводы и разрывы отношений с партнерами – 27;
- смерть близких – 14;
- болезнь близких – 9;
- автомобильные аварии – 4;
- проблемы на работе или увольнение – 4;
- соматические заболевания – 2;

- криминал – 2;
- другие стрессовые события – 7.

Пациенты обследовались на этапе выписки из клиники. Для дополнительного контроля состояния когнитивной сферы использовался тест на сенсомоторную скорость «таблицы Шульте» (в выборку включались лица, показатели которых находились в пределах нормы по этой методике). В группу «норма» вошли лица без депрессивной симптоматики ($N=85$) в возрасте от 18 до 53 лет ($M=31,8$; $SD=9,8$): 36 мужчин и 49 женщин. Уровень выраженности депрессивной симптоматики определялся по шкале «депрессия» опросника SCL-90-R: в контрольную группу включались лица с показателем по этой шкале не выше $1,27$ ($M(0,72)+SD(0,55)$) согласно нормативам апробации методики (Практикум по психологии посттравматического стресса, 2003). Группы были выравнены между собой по возрасту и образованию.

Методика

В исследовании использовался Опросник оценки выраженности психопатологической симптоматики (Практикум по психологии посттравматического стресса, 2003), который состоит из 90 утверждений, отражающих наличие определенных соматических и психологических проблем. Оценка и интерпретация результатов производятся по девяти основным субшкалам, которые объединяют определенные группы симптомов: соматизация, обсессивность–компульсивность, межличностная сензитивность, депрессивность, тревожность, враждебность, фобическая тревожность, паранойяльность, психотизм.

Когнитивные стили изучались с помощью следующих методик:

1. «Полезависимость – полнезависимость» (методика «Включенные фигуры» Уиткина, групповая форма).
2. «Импульсивность – рефлексивность» (методика «Сравнение похожих рисунков» Кагана).
3. «Узость – широта диапазона эквивалентности» («Свободная сортировка объектов», в варианте В. Колга).
4. «Ригидность – гибкость познавательного контроля» (методика словесно-цветовой интерференции Дж. Струпа).

Результаты исследования и их обсуждение

Предварительный анализ показал, что половые различия в когнитивных стилях отражают закономерности, полученные в исследованиях других авторов (Холодная, 2002): в контрольной группе для женщин характерна большая полезависимость, чем для мужчин ($t=2,7$; $p<0,01$). В связи с этим различия по данному когнитивному стилю рассматривались отдельно по подгруппам мужчин и женщин. По другим когнитивным стилям гендерной специфики не обнаружено.

Анализ по субгруппам показал, что как женщины ($U=773,5$; $p<0,001$), так и мужчины ($U=225,5$; $p<0,001$) из группы «депрессия» более полезависимы, чем женщины и мужчины из группы «норма».

В целом различия между группами «депрессия» и «норма» показали, что для лиц с реактивной депрессией характерно большее количество ошибок в тесте Кагана (КС «Импульсивность – рефлексивность») (табл. 1).

Таблица 1. Описательная статистика и различия по критерию Манна-Уитни по показателям когнитивных стилей между группами «депрессия» и «норма»

Показатели когнитивных стилей	Группа «депрессия» N=90		Группа «норма» N=85		
	M	SD	M	SD	U
КС «Импульсивность – рефлексивность»					
Время первого ответа	74,31	36,08	69,40	32,38	3503,50
Количество ошибок	8,42	6,14	6,23	5,97	2814,50**
КС «Узость – ширина диапазона эквивалентности»					
Количество групп	7,26	2,16	7,49	2,86	3792,00
Количество объектов в наибольшей группе	8,78	3,46	10,25	4,01	3119,00*
Количество групп из одного объекта	0,61	1,01	0,98	2,04	3695,00
КС «Ригидность – гибкость познавательного контроля»					
Показатель интерференции	46,08	20,51	35,56	14,34	2642,50***

Примеч.: * значимые различия, $p < 0,05$; ** значимые различия, $p < 0,01$; *** значимые различия, $p < 0,001$.

Следуя «квадриполярному принципу», предложенному М. А. Холодной (2002), в отношении КС «Импульсивность – рефлексивность» можно выделить четыре субгруппы по общей выборке: импульсивные, рефлексивные, быстрые точные, медленные неточные. Процентное соотношение испытуемых по группам «депрессия» и «норма» представлено на рисунке ниже.

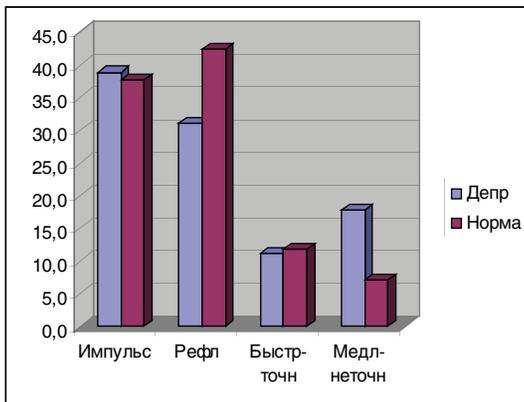

Диаграмма частотного распределения субгрупп по когнитивному стилю «Импульсивность – рефлексивность» (в % от общего числа испытуемых в выборке) по группам «депрессия» и «норма»

На диаграмме четко видно, что временной аспект не различается в обеих исследуемых группах: количество «импульсивных» и «быстрых точных» приблизительно одинаково. Тогда как лица, затрачивающие длительное время на принятие решения, в группе с реактивными депрессиями имеют специфику: значительная часть из них делает много ошибок, несмотря на длительное время принятия решения, и в связи с этим попадает в субгруппу «медленные неточные».

В отношении КС «Узкий – широкий диапазон эквивалентности» различия обнаружены в отношении показателя «количество объектов в наибольшей группе»: для группы «депрессия» характерен сдвиг в сторону аналитичности. Кроме того, показатель интерференции (отражающей конфликт между вербальными и сенсорно-перцептивными функциями) по КС «Ригидность – гибкость познавательного контроля» значимо выше в группе «депрессия» (см. табл. 1).

Таким образом, для когнитивно-стилевой организации индивидов, у которых вследствие переживания стрессовой ситуации развились аффективные нарушения, характерны следующие особенности: большая опора на внешний контекст, чем на внутренние референты при взаимодействии с ситуацией (в том числе стрессовой); неточность в принятии решений при затрачивании значительного времени на обдумывание; склонность к избыточному дроблению и категоризации данных; снижение способности к переключению с одних способов переработки информации на другие.

Описанные выше результаты согласуются с обнаруженными нами ранее (Падун, Загряжская, 2007) закономерностями, полученными на группе здоровых испытуемых. Для «нормальной» выборки был выделен непродуктивный когнитивный стиль (сочетание полезависимости и аналитичности), который оказался характерным для лиц с высоким дистрессом.

Остается открытым вопрос о происхождении полученных различий: отражает ли когнитивно-стилевая специфика у группы «депрессия» снижение показателей когнитивного функционирования вследствие пережитого стресса и воздействия депрессивного аффекта, является ли подобная специфика следствием приема антидепрессивных препаратов или она была присуща этим лицам изначально, т. е. до воздействия стрессовой ситуации? С одной стороны, когнитивные стили являются устойчивыми характеристиками, с другой – известно, что полезависимость в определенной степени производна от функционального состояния человека и возрастных особенностей (Холодная, 2002). Таким образом, можно говорить о том, что длительное переживание дистресса повышает полезависимость. Про другие стилевые свойства таких данных обнаружено не было.

В. И. Морсанова (2002) в исследовании индивидуального стиля саморегуляции показала, что у полезависимых индивидов уровень саморегуляции в части планирования целей деятельности, моделирования значимых условий и программирования действий ниже, чем у полнезависимых. Таким образом, можно предположить, что когнитивный стиль «Полезависимость – полнезависимость» является ресурсом личности в преодолении стрессовых ситуаций: полнезависимые индивиды имеют больше ресурсов в регуляции деятельности по преобразованию ситуации. В исследовании, проведенном нами ранее (Падун и др., 2005), было показано, что стратегия совладания со стрессом, направленная на разрешение проблемы, в большей степени характерна для полнезависимых индивидов.

В науке широко известна точка зрения, что в природе существует универсальный базовый закон, работающий для всех форм и процессов жизни (Чуприкова, 2007). Всюду, где есть развитие, оно идет от состояний относительной глобальности и отсутствия дифференциации к состояниям большей дифференцированности, артикулированности и иерархической интеграции. Согласно концепции Вернера (Werner, 1957), процесс индивидуации состоит в росте дистанции между «Я» и миром, в росте дифференцированности отношений между личностью и обществом. При этом Вернер считает, что более поздние формы не уничтожают более примитивных форм психической активности. Более развитые формы требуют для своего появления «примитивного фона», из которого они дифференцируются и от которого никогда полностью не отделяются. Этот «примитивный фон», по Вернеру, связан с когнитивной гибкостью и творческими элементами деятельности. В этом смысле «ребенок постоянно отец взрослого». Чем более творческой является личность, тем шире

доступен ей диапазон операций. Того же мнения придерживается Ю. И. Александров, рассматривая соотношение сознания и эмоций (Александров, Александрова, 2007): на любом этапе развития индивида в разном соотношении присутствуют как характеристики сознания, так и характеристики эмоций.

Теория Виткина имеет прямую связь с теорией Вернера: полезависимость является частным случаем проявления индивидуальных различий по базовой фундаментальной размерности – глобальности-артикулированности. Виткин также полностью принимает положение о том, что развитие идет в сторону дифференциации психологических функций и систем, сопровождаясь все более сложными их интеграциями, более того, согласно Виткину, психологическая дифференциация является не частным, а всеобъемлющим когнитивно-личностным свойством. Однако при обсуждении вопроса о соотношении двух осей развития – дифференциации и интеграции – он отмечает, что высокая дифференциация необязательно ведет за собой высокую интеграцию. При наблюдении за полезависимыми и полнезависимыми детьми было установлено, что группа ПЗ является достаточно однородной, тогда как группа ПНЗ характеризуется широким спектром индивидуальных различий (см.: Чуприкова, 2007).

Наши предыдущие исследования также подтверждают тот факт, что группа ПНЗ является неоднородной (Падун, Загрязская, 2007) и психологические закономерности формирования психопатологических симптомов в этом случае выявить не удастся. В настоящем исследовании из группы «депрессия» удалось выделить небольшую subgroupу «полнезависимые» ($N=18$), которая составляет 20 %. Таким образом, часть пациентов из группы «депрессия» все же находится на полюсе ПНЗ. Можно предположить, что залог эффективного непроизвольного интеллектуального контроля (а именно так определяет когнитивные стили М. А. Холодная) состоит в гибком использовании ресурсов ПЗ–ПНЗ. Вероятно, лицам с высокой полнезависимостью может быть свойственна своего рода «оторванность» когнитивного функционирования от базовых потребностей и эмоций, ведущая к подавлению последних и утрате связи с ними, или, если говорить в терминах Виткина, – высокая дифференциация при недостаточной интеграции.

Что касается факта, свидетельствующего о большей полезависимости испытуемых из группы «депрессия», то наши данные подтверждают положения Бека и Селигмана о глобальном характере реагирования депрессивных пациентов на внешние воздействия, а также о чрезмерной опоре на референты, идущие от внешнего контекста. По всей видимости, именно интегрированность когнитивной сферы является основой для возникновения когнитивных искажений, выраженных когнитивных ошибок в работе. Слабая дифференцированность когнитивной сферы приводит к поляризации и сверхгенерализации негативного опыта, являясь одной из причин развития депрессивных состояний. Безусловно, интерпретация полученных результатов не предполагает вывода о том, что полезависимость предрасполагает к депрессии: речь идет о сложных взаимосвязях биопсихосоциальных факторов. Вероятнее всего, негативная аффективность (нейротизм) в сочетании с полнезависимостью в меньшей степени предрасполагает к психогенной депрессии, чем сочетание негативной аффективности с полезависимостью; данная гипотеза требует дальнейшей эмпирической проверки.

Что касается когнитивного стиля «Узкий – широкий диапазон эквивалентности», то существуют данные о повышенной тревожности, недоверчивости, настороженности так называемых «аналитиков» (Холодная, 1990). Кроме того, было показано, что «анали-

тики» ориентированы на социальное одобрение. По мнению И. П. Шкуратовой (1994), различия между «синтетиками» и «аналитиками» имеют отношение к понятию «зона неопределенности деятельности», введенному В. С. Мерлиным (1978), который считал, что именно специфика процессов принятия решений является основой для определения индивидуально-психологических различий. По Мерлину, зона неопределенности в принятии решения определяется несоответствием количества «сенсорных входов» и ограниченностью «эфферентных выходов». В смысле дифференцированности восприятия окружающего мира это означает, что чем больше признаков содержит образ объекта на сенсорном входе (у «аналитиков»), тем больше несоответствие между многообразием на входе и ограниченностью на выходе и, следовательно, тем больше зона неопределенности (Шкуратова, 1994). При этом аналитичность в сочетании с полезависимостью, вероятно, дает действительно высокий уровень неопределенности и, как следствие, тревогу при принятии решений, которая может приводить к неспособности предпринимать усилия в стрессовой ситуации.

В отношении КС «Импульсивность – рефлексивность» наша гипотеза о большей импульсивности лиц с реактивной депрессией не подтвердилась: не было получено значимых различий по времени принятия решений. Следовательно, можно предполагать, что повышенное число ошибочных ответов у испытуемых из группы «депрессия» связано с состоянием их когнитивной сферы: при значительных затратах времени и усилий на анализ данных для принятия решения они тем не менее испытывают трудности в принятии верного решения в задачах, требующих высокой концентрации внимания.

Аналогичный ход рассуждений может быть применен и в отношении КС «Ригидный – гибкий познавательный контроль». В исследованиях показана связь ригидности познавательного контроля с нейротизмом, низкой помехоустойчивостью, возбудимостью и лабильностью (Холодная, 2002). Таким образом, можно говорить о том, что особенности данного КС являются «антиресурсом» в преодолении трудной жизненной ситуации.

Выводы

В настоящей работе изучалась специфика когнитивно-стилевой организации у лиц с психогенной депрессией. Результаты показали, что для людей, у которых вследствие влияния стрессового события развились выраженные на клиническом уровне депрессивные симптомы, характерна большая полезависимость, т. е. более низкая психологическая дифференциация; узкий диапазон эквивалентности; невысокая скорость и неточность в принятии решений; ригидность познавательного контроля.

Результаты исследования указывают на неразрывность связи когнитивной и аффективной сфер личности. Безусловно, интерпретация полученных данных возможна пока лишь на уровне предположений, однако она дает возможность формулирования новых исследовательских гипотез.

Литература

- Александров Ю. И., Александрова Н. Л. Субъективный опыт и культура. Структура и динамика // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2007. Т. 4. № 1. С. 3–46.
- Бек А., Раш А., Шо Б., Эмери Г. Когнитивная терапия депрессии. СПб: Питер, 2003.
- Выготский Л. С. Проблема умственной отсталости. Собр. соч. Т. 5. М.: 1983.
- Зейгарник Б. В. Патопсихология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986.

- Мерлин В. С. Деятельность как опосредующее звено в связи разноуровневых свойств индивидуальности // Проблемы интегрального исследования индивидуальности. Пермь: 1978. С. 15–40.
- Моросанова В. И. Личностные аспекты саморегуляции произвольной активности человека // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 6.
- Падун М. А., Загряжская Е. А. Психологический дистресс у лиц с различными когнитивными стилями / Психологический журнал. 2007. № 6. С. 30–39.
- Падун М. А., Загряжская Е. А., Гракова Г. С. Взаимосвязь когнитивного стиля «Полезависимость – полнезависимость» и предпочитаемой копинг-стратегии // Психология способностей: Современное состояние и перспективы исследований: Материалы научной конференции, посвященной памяти В. Н. Дружинина, ИП РАН, 19–20 сентября 2005 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 216–219.
- Перре М., Бауманн У. Клиническая психология. СПб.: «Питер», 2007.
- Практикум по психологии посттравматического стресса/ Под ред Н. В. Тарабриной. СПб.: «Питер», 2003.
- Решетова Т. В. Индивидуальные особенности психотерапии в зависимости от когнитивного стиля врача и больного // Когнитивные стили. Тезисы научно-практического семинара / Под ред. В. Колга. Таллин: 1986.
- Смулевич А. Б. Депрессии в общей медицине: Руководство для врачей. М.: «МИА», 2007.
- Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
- Фрейд З. Печаль и меланхолия // Психология эмоций. Тексты / Под ред. В. К. Виллоаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
- Холмогорова А. Б., Гаранян Н. Г. Эмоциональные расстройства и современная культура (на примере соматоформных, депрессивных и тревожных расстройств) // Московский психотерапевтический журнал. 1999. № 2. С. 61–90.
- Холодная М. А. Когнитивные стили как проявления разнообразия индивидуального интеллекта. Киев: УМК ВО, 1990.
- Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. М.: «ПЕР СЭ», 2002.
- Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Самоанализ. М.: Прогресс: Универс, 1993.
- Шкуратова И. П. Когнитивный стиль и общение. Ростов-на-Дону: Изд-во РПУ, 1994.
- Calamari E., Pini M., Puleggio A. Field Dependence and verbalized strategies on portable Rod-and-Frame Test performance in depressed outpatients and normal controls // Perceptual & Motor Skills, 2000. № 91. P. 1121–1229.
- Gardner R. Cognitive control: A study of individual consistencies in cognitive behavior // Psychological Issues. 1959. № 4. P. 22–30.
- Kingsland R. C., Greene L. R. Psychological differentiation and clinical depression // Cognitive Therapy and Research. 1984. Vol. 8. Issue: 6.
- Korchin S. J. Field Dependence, Personality Theory, and Clinical Research // Field Dependence in Psychological Theory, Research, and Application // Eds.: M. Bertini, L. Pizzamiglio, & S. Wapner. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1986.
- Lewinsohn P. M., Youngren M. A., Grosscup S. J. Reinforcement and depression / Ed. R. A. Dupue. The psychobiology of depressive disorders: Implications for the effects of stress. New York: Academic Press, 1979. P. 291–316.
- MacGillivray R. G., Baron P. The Influence of Cognitive Processing Style on Cognitive Distortion / Clinical Depression. Social behavior and personality. 1994. № 22 (2). P. 145–156.
- Parkes K. R. Field dependence and the differentiation of affective states // British Journal of Psychiatry. 1981. № 139. P. 52–58.

COGNITIVE STYLE AND DEPRESSION

PADUN M. A., Institute of Psychology RAS, Moscow

This article represents a generalization of the division of results of a comprehensive study of cognitive styles in patients with reactive depression. It is shown that cognitive-style organization of individuals who developed affective disorders as a result of an experience of a stressful situation possesses the following characteristics: greater reliance on external context than on the internal references in the interaction with a situation, errors in decision-making along with the expenditure of considerable time for thinking, a tendency toward excessive data fragmentation and categorization, and reduced ability to switch from one method of processing information to another (flexibility - rigidity).

Keywords: cognitive style, reactive depression, stress, psychological differentiation.

Transliteration of the Russian references

- Alexandrov Yu.I., Alexandrova N.L.* Sub'ektivnyi opyt i kul'tura. Struktura i dinamika // Psihologiya. Zhurnal vysshei shkoly ekonomiki. 2007. T. 4. № 1. S. 3–46.
- Bek A., Rash A., Sho B., Emeri G.* Kognitivnaya terapiya depressii. SPb: Piter, 2003.
- Vygotskij L.S.* Problema umstvennoi otstalosti. Sobr. soch. T. 5. M.: 1983.
- Zeigarnik B.V.* Patopsihologiya. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1986.
- Merlin V.S.* Deyatel'nost' kak opospedyushee zveno v svyazi paznoupovnyevykh svoystv individual'nosti // Problemy integral'nogo issledovaniya individual'nosti. Pepm': 1978. S. 15–40.
- Morosanova V. I.* Lichnostnie aspekty samoregulyatsii proizvol'noi aktivnosti cheloveka // Psihologicheskij zhurnal. 2002. T. 23. № 6.
- Padun M.A., Zagryazhskaya E. A.* Psihologicheskij distress u lits s razlichnymi kognitivnymi stilyami // Psihologicheskij zhurnal, 2007. № 6. S. 30–39.
- Padun M.A., Zagryazhskaya E.A., Grakova G. S.* Vzaimosvyaz' kognitivnogo stilya «Polezavisimost'–polenezavisimost'» i predpochitaemoi koping-strategii // Psihologiya sposobnosti: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy issledovaniy: Materialy nauchnoi konferentsii, posvyaschennoi pamyati V.N. Druzhinina, IP RAN, 19–20 sentyabrya 2005 g. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2005. S. 216–219.
- Perre M., Baumann U.* Klinicheskaya psihologiya. SPb.: «Piter», 2007.
- Praktikum po psihologii posttravmaticheskogo stressa. Pod red N. V. Tarabrinoi, SPb.: «Piter», 2003.
- Reshetova T. V.* Individual'nie osobennosti psihoterapii v zavisimosti ot kognitivnogo stilya vracha i bol'nogo // Kognitivnie stili. Tezisy nauchno-prakticheskogo seminaru / Pod. Red. V. Kolga. Tallin: 1986.
- Smulevich A. B.* Depressii v obschei meditsine: Rukovodstvo dlya vrachei. M.: «MIA», 2007.
- Frankl V.* Chelovek v poiskah smysla. M.: Progress, 1990.
- Freid Z.* Pechal' i melanholiya // Psihologiya emocii. Teksty /Pod red. V. K. Vilyunasa, Yu. B. Gippenreiter. - M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1984.
- Holmogorova A. B., Garanyan N.G.* Emocional'nie rasstroistva i sovremennaya kul'tura (na primere somatoformnykh, depressivnykh i trevozhnykh rasstroistv) // Moskovskij psihoterapevticheskij zhurnal. 1999. № 2. S. 61–90.
- Holodnaya M. A.* Kognitivnie stili kak proyavleniya raznoobraziya individual'nogo intellekta. Kiev: UMK VO, 1990.
- Holodnaya M.A.* Kognitivnie stili. O prirode individual'nogo uma. M.: «PER SE», 2002.
- Horni K.* Neuroticheskaya lichnost' nashego vremeni. Samoanaliz. M.: Progress: Univers., 1993.
- Shkuratova I. P.* Kognitivnyi stil' i obschenie. Rostov-na-Donu: Izd-vo RPU, 1994.